Поэт Елена Севрюгина называет Романа «Хемингуэем от поэзии». Стихи его современны и в то же время достаточно традиционны. Несмотря на то, что Роман не живёт в Петербурге, почему-то мне кажется, что питерские поэты признали бы его своим. Как минимум, тема дождя очень близка автору.

Д. Л.

* * *

Не хочется, а снова о дожде,
как будто больше не с чем отожде
ствлять эту затянувшуюся грусть,
как будто бы затем и я прольюсь.

Мне кажется, недаром водосток
склоняется в итоге на восток,
и железы в железных коробах,
как смолы деревянные в гробах.

И чтобы образа соединить
метафора выкручивает нить,
как пойманному вновь на воровстве
мальцу запястья, помня о родстве.

* * *

Когда давным-давно переболел
войной, виной, ещё каким-то видом
чумы, не умирая, словно лев,
придуманный для этого Майн Ридом,
тогда вдруг начинают мучить сны,
из тех, что до испарины реальны,
повтор болезни, бойни и вины,
где ты бежишь, расчёсывая раны.

Ничто не исчезает без следа,
подумаешь, и сморщишься от штампа,
и снова прикроватная вода
в стакане. Снова стену держит лампа.
Плафон заполнен мёртвым мотыльком.
Стакан стоит не по\на половину.
Засни уже, видением влеком.
Проснись уже, избегнув доли львиной.

ЛЕНЕ СКАЧКО

Вчера был страшный ливень. Началось
с поскрипыванья высохших деревьев.

Раскачиваньем справа и налево
продолжилось. Стемнело. Полилось.

Бадьи, кастрюли, впадины… Вода
мгновенно всё заполнила до верха,
и переливом, словно чья-то веха,
ушла в земные подвиги труда.

О том, что это было в день Ильин
подумалось сегодня ближе к полдню,
что душу с самых утренников полнит,
необъяснимый чем очищен сплин.

Назавтра обещали облака,
где одному другого быть белее,
чтоб проплывать над нами еле-еле,
и радоваться, что издалека.

* * *

сказать тебе готова
судьбишка в полруки
нет ничего святого
есть слава и стихи
и ты поверишь веришь
без всяких запятых
поскольку в нашей эре
на каждый подвиг стих
всё так же ценен сора
пророщенный рубец
и каждому позору
возвышенный столбец
всё те же руки в брюки
у памятников и
свидания на вьюге
признания в крови
тот ляжет этот сгинет
а третий сочинит
нет святости в помине
и в славе той ich nicht
и ты познаешь знаешь
как первое агу

нет ничего над нами
разверить не могу

* * *

Начало лета опускает щит.
Мидзикаута прёт похлеще танка.
Сварю себе щавелевые щи,
яичко покрошу, волью сметанки.

Когда бы отпуск – вот бы благодать,
где алкоголь, и что-нибудь из мяса,
но до кости её не обглодать,
да будут щи кислы, чтоб не смеялся.

И хорошо. Так мудрый Салимон
в трёх-четырёх простых опишет строфах,
как хорошо июнь и самогон,
судьба, изба и тени рам крестовых.

* * *

Август кончился плевком
Что-то там ля-ля
Тяжело писать легко
Общей сути для

Вслед за первым сентябрём
Днями городов
Не встречай меня ты, бро,
Я уйти готов,

За девятый бугорок
Словно тот грибник.
Ты вглядись в семейство строк,
Самый корень их.

СЕЗОННОЕ

Осенняя пора
метрическая скука

понятна мне твоя
идущая модель
вот зонт и человек
а вот архитектура
и в душу лезет грусть
по имени Адель
давно уже не Бонд
а что-нибудь дешевле
какой-нибудь компакт
но лёгким невдомек
в дождливый серый день
жизнь катится шерше ля
фам вроде бы фаталь
как мотылёк Дамокл

* * *

Города, поедая ладью
на гербах, вымокают со дна.
Человек привыкает к дождю,
и не носит с собою зонта.
И не сходит, в плащёвку одет,
на четвертые сутки с ума.
Словно лондонский денди отпет,
пьёт поэт по аллеям туман.
Колокольни зовут в облака,
за окраину, только не в центр.
Дождь уходит собаке в бока.
Человек вспоминает акцент.

* * *

Ещё кругом не запорошено,
и меди больше серебра.
Начнёшь читать поэтов прошлого,
всё узнавая про себя.

Ах, эти отчества, фамилии,
портреты, снятые лучом.
Неутолимые, любимые,
неудавимые ещё…

И вдруг тоска такая ввинтится,
и ручка упадёт под стол.
Ну, где же вы простые истины,
и чувства тоже о простом?

Возьмёшь плацебо вида хлебного.
Рассудку скажешь – не нуди.
Так тяжело от взгляда небного,
и столько снега впереди.

* * *

конкретика окна стена в углах темна
паук то вверх то вниз по нити безупречной
проста его стезя повествовательна
лишь только бы на ней поменьше поперечин
рифмует поворот поэтику двери
выходит нам нужны несмазанные петли
паук оглы окно квадратно повтори
гитару обними спроси об этом спеть ли
и выйди выйди весь нет в высь ты не уйдёшь
там город золотой к нему не подступиться
довольно и того что ты в углу плетёшь
себе на черный день неся под половицу

* * *

Вспоминая старые автобусы,
номер «3», «4» и… ей-ей,
словно пальцем водишь ты по глобусу
непутёвой памяти своей.

Снова видишь дворики кустарные,
остановку, главную для всех.
Забирал нас в школу из окраины
номер три. Четвёртый ехал в цех,

то есть до завода вёз родителей,
пап и мам, задорных, молодых.
Я не знаю что там в окнах видели –
в зеркалах мы точно видим их.

Адреса сменились. Кто-то за город
перебравшись, вечно строит дом.
В чай кладу четыре ложки сахара,
как отец, не думая о том.

* * *

Напои меня ты коньяком,
человек, с которым я знаком.
Лучше чаем, с разговором пустяковым.
Мы знакомы, мы давно с тобой знакомы.
У меня такая же есть чашка.
Не грусти, теперь уже не тяжко.
Человек, с которым я знаком,
колокольня празднует о ком?
Знаю, ты ответишь, что по нам,
и вину разделишь пополам.
Почему нам хочется туда
стыд нести, где любят навсегда,
где его разделит, словно хлеб,
человек знакомый много лет?
Человек сидит по адресам.
Бог его к нему приходит сам.
Напои, пожалуй, коньяком
человека. Он тебе знаком…

* * *

Заходи и садись. Много мест.
Говори мне о том, и о сём.
Мы так долго на пару несём
то ли чушь, то ли груз. Может, крест.
Если хочешь, молчи. Будет чай.
Старый чайник ворчит на плите:
год не тот, и раздумья не те
по покатым стекают плечам.
Хорошо от невыбранных тем,
от ненужных не сказанных слов.
Совпадает обычность часов
с риторической пустошью стен.
Я смотрю на тебя – ты простак,

но глаза выдают мудреца –
разум жгут, вычитают сердца –
значит скоро прощаться, раз так.

Провожать не пойду. Приходи.
Дверь открыта на годы вперёд.
Память за руку крепко берёт,
оставляя стихи позади...

Сад.
Бумага, акварель, 17X25 см.